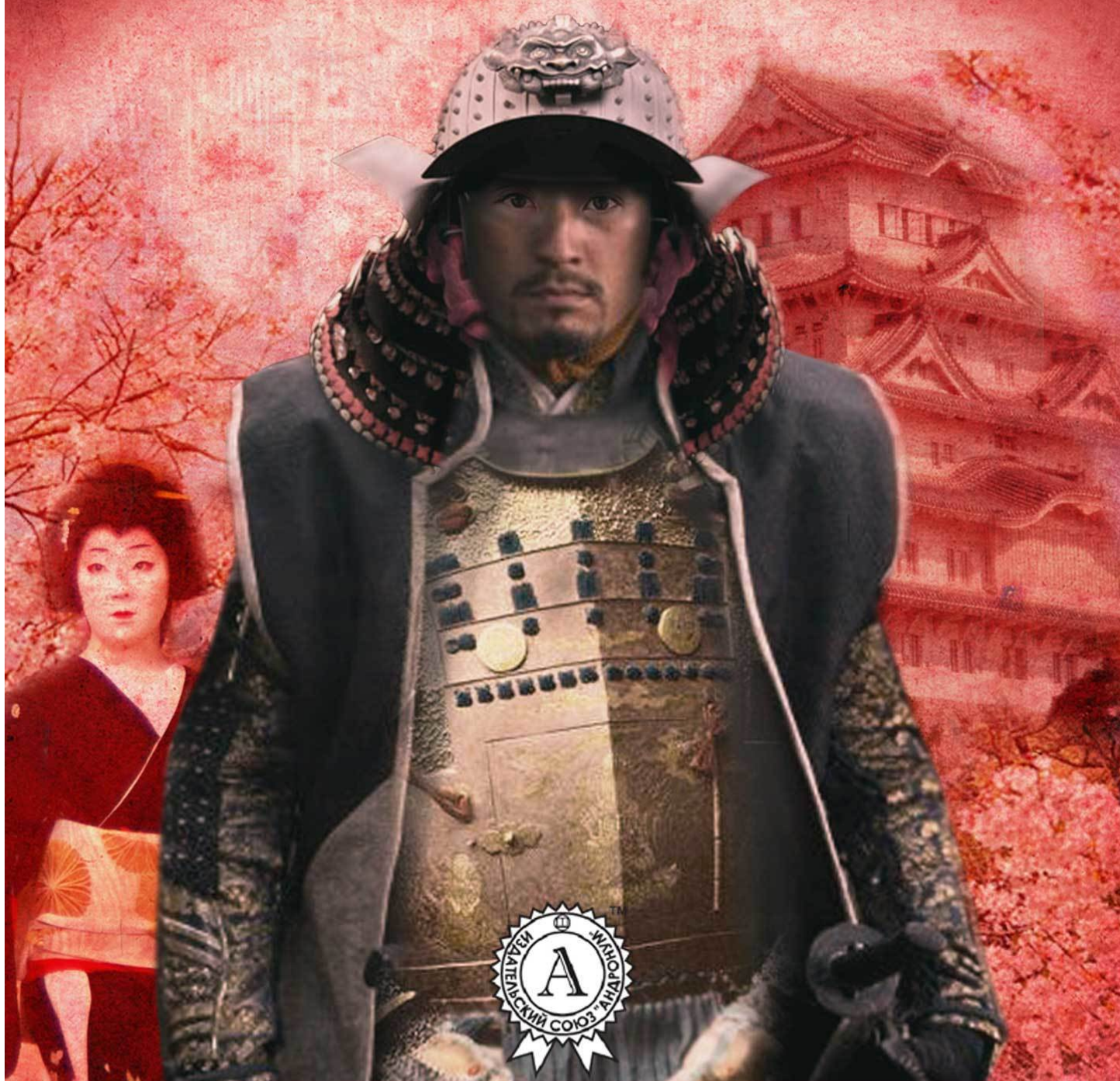

Брячеслав Галимов
БОЛЬШАЯ
ВОЛНА

СОКРОВЕННЫЕ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Сокровенные истории Востока

Галимов Брячеслав

Большая волна

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Брячеслав Г.

Большая волна / Г. Брячеслав — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Сокровенные истории Востока)

Этот роман входит в трилогию под названием «Сокровенные истории Востока». Япония, Средние века, времена жесточайших междоусобных войн. В своей борьбе за великую Империю Князь может опереться только на самураев – бесстрашных воинов, исповедующих кодекс чести Бусидо. Один из молодых воинов, Такэно, находится на службе у сегуна, познавая основы военного искусства. Но внезапно вспыхнувшее чувство к юной Йокой несколько меняет уклад его жизни... Кроме произведения «Большая волна» в трилогию входят: повесть «Добрый царь Ашока» и роман «Демоны острова Пасхи». Книга Брячеслава Галимова будет интересна тем, кто увлекается историей Средневековья. Описание обычаев и традиций самураев, повествование о событиях, происходящих в Японии в 6-7 веках, развитие японской литературы – все это можно найти в книге.

© Брячеслав Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Пролог. Вершина горы	6
Начало пути	11
Два сторожа в осеннем саду	11
Цветенье сливы в лесной глуши	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Брючслав Галимов

БОЛЬШАЯ ВОЛНА

Предисловие

Прежде чем вы начнете читать это произведение, хотелось бы обозначить историческую канву повествования. Мы кратко расскажем о том, что происходило в Японии в период времени, описанный в книге.

В конце XVI – начале XVII вв. в стране шли жестокие междоусобные войны. В итоге, князь Токугава Иэясу (послуживший прообразом *Князя* в данном произведении) сумел победить всех своих соперников и создал великую империю, в которой его потомки правили более двухсот пятидесяти лет. В своей борьбе с непокорными провинциальными князьями он опирался на самураев, сословие воинов, похожее на рыцарское сословие в Европе. У самураев был свой кодекс чести (кодекс Бусидо, от другого названия самураев – буси), основанный на учении буддийской секты Дзэн. Помимо понятий о воинском долге, самопожертвовании, благородстве поступков, кодекс Бусидо предписывал самураям особое отношение к жизни и смерти в духе заветов Будды. Кроме того, в правилах Бусидо говорилось о любовной этике самурая, его взаимоотношениях с возлюбленной или женой.

Надо заметить, что благодаря всем этим правилам поведение самураев во многом превосходило лучшие образцы рыцарского поведения, известные нам в Европе. В книге, представленной вашему вниманию, один из главных героев (*Такэно*, чьим прообразом являлся Такуана, великий фехтовальщик из окружения князя Иэясу) как раз служит примером типичного самурая, преданного своему князю и свято соблюдающему кодекс Бусидо, в том числе в отношениях со своей возлюбленной, а потом женой (*Йокой*).

В заключение нашего краткого обзора мы должны упомянуть о средневековой японской литературе. Она отличилась глубокой лиричностью, что более всего присуще поэзии. Короткие стихотворения, характерные для нее, полны проникновенных описаний тончайших человеческих чувств и трогательных картин природы. Кстати, любовные ухаживания в Японии начинались с того, что молодой человек отправлял стихи своей любимой девушке, а она ему отвечала тоже стихами. По этим стихотворным посланиям молодые люди составляли мнение о внутреннем мире друг друга.

Таким образом, поэзия занимала огромное место в жизни японцев, что также нашло отражение в книге. Её герои часто используют стихи (преимущественно, японского поэта Мацуо Басё, жившего, правда, несколько позже описываемой эпохи) в своей речи и своих посланиях – и так было на самом деле в средневековой Японии.

Пролог. Вершина горы

Море и суша перемешались в заливе Дракона. Морская вода заполняла большие и малые пространства между скалами и каменистыми отмелями; где-то бурлила, где-то закручивалась водоворотами и разлеталась брызгами, где-то стояла неподвижная. Разным был цвет и моря: от белесого с серым оттенком в водоворотах между камнями до фиолетового с синими полосами – на выходе из залива в океан. Не менее хаотичным и беспорядочным был вид того, что можно было назвать сушей: из моря вздымались изломанные куски скальной породы; некоторые из них были громадными, другие так малы, что из воды торчали лишь острые верхушки камней.

Тут водилась масса разной рыбы и моллюсков, но ловля их была опасным занятием – не только из-за особенностей залива Дракона, но и оттого, что океан слишком часто и страшно напоминал о себе. Рыбацкая деревня, приткнувшаяся на крошечном клочке ровного берега под покосившейся горой, много раз уничтожалась яростью океана, но каждый раз отстраивалась заново, и отсюда уходили в море лодки. А на берегу оставались женщины, дети и старики, которые за своими повседневными занятиями, незамысловатыми делами и будничными разговорами скрывали привычный страх ожидания...

В это утро старик Сэн повел Такэно на самую вершину горы, что удивило и рассмешило мальчика – ведь взрослые никогда не ходили туда, взбираться на гору было детским развлечением. Такэно решил про себя, что старик чудит, и в деревне опять будут смеяться над Сэном; но с другой стороны, мальчик не понимал, почему люди, повзрослев, перестают подниматься на вершину и лишаются такого удовольствия.

Идти в гору со стариком было весело, все равно что играть с ним; Такэно легко прыгал по камням, далеко обгоняя Сэна, потом возвращался к нему, подсказывал, где лучше пройти, и снова убегал вперед. Единственное, что вызывало его досаду, – медлительность подъема: Такэно успел бы три раза подняться на гору и спуститься с нее за то время, что они шли со стариком.

Достигнув вершины, Сэн уселся на землю, скрестил ноги и обратил лицо к солнцу, восшедшему над горизонтом. Старик молчал, и мальчику стало скучно. От нечего делать он начал собирать мелкие камешки и кидать их в чахлый куст, чудом выросший на крутом склоне горы.

– Разве это куст не кажется тебе прекрасным? – раздался голос старика.

Такэно живо обернулся к нему.

– Прекрасным? Да что вы, дедушка Сэн! – и спохватившись, что ответил поспешно и невежливо, тут же прибавил:

– Простите, я не понял вашего вопроса, уважаемый дедушка Сэн.

– Если ты не понял его, то я не смогу объяснить тебе, Такэно. Мои слова дойдут до твоих ушей, но не до твоего сердца. Слышать, понимать, осознавать, предчувствовать – вот четыре ступени познания, из которых ты прошел только две, но даже на второй пока стоишь непрочной.

Мальчик снисходительно выслушал эту заумную тираду старика Сэна.

Старик почмокал губами, вытер слезящиеся от яркого света глаза и сказал:

– Впрочем, многие из взрослых жителей нашей деревни тоже стоят лишь на второй ступени познания. Почему, как ты думаешь, эту бухту называли заливом Дракона?

– Потому что отсюда, сверху, скалы и камни залива похожи на чешуйчатый гребень спины огромного дракона, – торопливо произнес Такэно заученную фразу.

Старик саркастически закашлялся.

– Да, да, эти слова повторяют все у нас! Едва ребенок начнет говорить, как он уже твердит о спине огромного дракона, на которую похож этот залив. Запомни, Такэно, затверженные истины подобны крепким глухим стенам, – они защищают от опасностей внешнего мира, но они же не дают нам выйти в этот мир.

– Через стену можно перелезть, уважаемый дедушка Сэн, или сделать в ней ворота, – возразил Такэно.

Старик засмеялся.

– Отчего же ты не перелез через стену, Такэно? Ты бы увидел тогда, что сравнивать скалы и камни залива с гребнем спины дракона – значит, принижать их. Каждый из этих камней неповторим и прекрасен, каждый из них имеет свою душу. Можно всю жизнь смотреть на один единственный камень, изо дня в день, – и если через пятьдесят лет ты поймешь хотя бы тысячную часть того, что составляет его душу, считай, что ты не напрасно жил на свете.

Мальчик согласно кивал головой, краем глаза наблюдая за рыбацкими лодками, распустившими паруса на большой воде океана.

Сэн проследил направление взгляда Такэно.

– Сегодня рыба лучше ловится в океане, – пробормотал старик. – Лодки вышли из бухты.

– Течение переменялось, – пояснил мальчик и вновь спохватился, что нарушил правила вежливости, ибо подобное высказывание предполагало неосведомленность собеседника и возвеличивание собственного ума. Даже среди равных это было неучтиво, а уж тем более не допускалось в разговоре со старшими.

Но старику понравилась дерзость мальчишки. Сэн хихикнул и дернул Такэно за полу длинной полотняной куртки.

– Тебе не терпится высказать свои мысли, мальчик? Тебе трудно придется с людьми. Гармонию нашего маленького мирка легко разрушить всего одним неосторожным словом. Однако рано или поздно тебе придется сделать выбор: либо подчиниться этому мирку и соблюдать все его законы, либо восстать против него. Ты испугался, Такэно? Для того чтобы перелезть через стену нужна, оказывается, храбрость, а?

– Да, уважаемый дедушка Сэн, – низко поклонился мальчик старику, подумав, что в деревне, видимо, не зря относятся к Сэну с подозрением.

– Течение переменялось, – повторил старик, и лицо его стало очень серьезным. – А мне всю ночь не спалось, и сейчас мучает беспокойство. Ты не замечаешь ничего необычного, Такэно?

Мальчик внимательно оглядел залив, берег, прислушался к шуму прибоя, подставил щеку ветру и взглянул на небо.

– Нет, дедушка Сэн.

– День сегодня ясный и тихий, ветер совсем легкий, безобидный, на горизонте не видно ни облачка; нигде нет никаких тревожных признаков, – так ты сказал бы, мальчик, если бы не побоялся в третий раз за утро нарушить приличия в беседе со стариком. Ты прав, наши зрение, осязание и слух не дают сегодня повода для тревоги. Однако есть еще внутреннее чувство, а оно острее, чем внешние ощущения. Я говорил об этом нашим рыбакам, когда они на рассвете готовились выйти в море. Надо мною посмеялись. Невзирая на уважение к моим седидам, надо мной часто смеются, Такэно.

Мальчик смутился и потупился. Старик издал короткий невеселый смешок.

– Знаешь, что мне ответили рыбаки, Такэно? «Уважаемый Сэн, мы благодарны вам за предупреждение», – и продолжали собирать свои снасти. А когда я уходил, я слышал, как один из рыбаков процедил: «Великий просветленный Сэн». Тут все они захохотали. Да, на Будду я не похож, Такэно.

– Извините, дедушка Сэн, но что вы чувствуете, чего надо опасаться? – почтительно спросил одолеваемый любопытством мальчик.

– Если бы я действительно был просветленным, я бы ответил тебе, чего надо опасаться, мальчик. Но в том-то и беда, что я ощущаю опасность, но не знаю, откуда она нам грозит. Может быть, это просто старицкая мнительность. Может быть... Но рыба ушла с мелководья

на глубину, и крабы исчезли неизвестно куда; я не видел, чтобы рыбаки вытаскивали крабов сегодня, Такэно.

– Что же нам делать, дедушка Сэн?

– Ждать. Когда мы ничего не можем сделать, нам остается только ждать. Садись рядом со мной, мальчик. Лучшие достоинства мужчины – это терпение и спокойствие.

* * *

Сидеть на твердой каменистой земле было очень неудобно; к тому же, солнце жгло немилосердно, а тень от широкой соломенной шляпы закрывала только плечи, но не спину и грудь. Куртка Такэно накалилась, и он чувствовал себя так, как будто на живот и поясницу ему положили горячие камни.

Во рту пересохло, страшно хотелось пить, но Такэно не догадался взять с собой воду, когда пошел со стариком. У Сэна тоже не было воды, однако его, казалось, нисколько не беспокоила жажда, так же как и зной: старик неподвижно сидел на солнцепеке и даже не отмахивался от назойливых мух, непонятно откуда взявшихся на горной вершине.

Такэно уже раза три порывался спросить, не пора ли спуститься вниз, но каждый раз подавлял в себе этот порыв, потому что твердо решил дожидаться, пока старик сам предложит вернуться в деревню.

День по-прежнему был тих и ясен; ветер – и тот перестал дуть, хотя его дуновение было бы очень кстати в такую жару. Мальчик подумал, что рыбаки были правы, не прислушавшись к предупреждению Сэна: на море был полный штиль, и рыбацкие лодки застыли на неподвижной глади океана.

Такэно громко вздохнул, пытаясь обратить на себя внимание старика и вызвать его на разговор. Сэн слегка поднял вверх ладонь правой руки, то ли предостерегая мальчика от ненужной болтовни, то ли призывая Такэно подождать еще немного.

Мальчик горестно подумал о том, как весело начинался сегодняшний день и как тоскливо продолжился. Снова вздохнув, он нагнулся, уперся руками в колени скрещенных ног, – и вскоре задремал...

Его разбудил сильный порыв ветра, едва не сорвавший шляпу с головы мальчика. Такэно схватился за нее, и напуганный внезапным пробуждением, лихорадочно огляделся: день был все так же ясен, но спокойствие, разлитое прежде в природе, исчезло. За первым порывом ветра налетел второй, потом третий, один сильнее другого, затем ветер подул с нарастающей силой, пока не достиг такой мощи, что Такэно упал навзничь на землю, подсунув шляпу под грудь, а руками уцепившись за камни.

– Дедушка Сэн! Дедушка Сэн! Что это? – в ужасе закричал мальчик.

Старик, тоже распластавшийся на земле, обернулся к нему и тонким старческим голосом прокричал в ответ:

– Держись и смотри!

«Как мне смотреть, если лица нельзя поднять?» – едва не выпалил Такэно.

Прошло немного времени, и ветер поутих. Мальчик поднялся на колени и взглянул на океан. От былого затишья не осталось и следа: высокие волны вздымались, сталкивались между собой и рассыпались.

Лодки рыбаков снесло из открытого моря к входу в бухту; на одной из них ветер сорвал спущенный парус, плохо привязанный к мачте; все лодки шли под веслами, отчаянно стремясь скорее достичь берега.

Вдруг странный шум раздался слева от Такэно. Мальчик посмотрел туда и открыл рот от удивления: чахлый куст на склоне горы сам собой вылезал из земли, разбрасывая камни

корнями. Ветви и листья куста дрожали мелкой дрожью, как дрожит, обычно, человек от сильного испуга.

– Дедушка... – хотел сказать Такэно, но тут и гора задрожала, а после плавно качнулась из стороны в сторону.

Мальчик опрокинулся на спину.

– Землетрясение! Землетрясение, дедушка Сэн! – отчаянно завопил он.

– Не бойся, это не здесь, далеко, – сказал старик. – Сюда доходят только его волны. Волны и страх... Волны страха... Вот что я чувствовал, и отчего был испуг на земле и на море.

– А гора не упадет? – перебил Такэно старика, совершенно забыв и о приличиях, и о сдержанности.

– Эта гора стоит от начала времен. Она пережила много землетрясений – и не разрушилась, – проговорил Сэн со снисходительной улыбкой. – Но если ей все-таки суждено упасть, то, конечно, не тогда, когда на нее взошли старик и мальчик. Не для того простояла она бесчисленное множество лет, чтобы дожидаться именно этого момента. Не бойся, говорю тебе; не бойся и смотри на море.

Рыбаки продолжали грести к берегу. «Разве не лучше им было бы остаться в океане и там переждать волнение? В заливе Дракона и в хорошую-то погоду плавать опасно», – хотел спросить Такэно, но постеснялся.

– Нет, – покачал головой Сэн, будто прочитав его мысли, – это не шторм. Гляди!

Большая Волна появилась в океане. Она была такой громадной, что вся толща воды от самого дна поднялась наверх, обнажив морские глубины. Стремительно неслась она к берегу, и слышен был уже ее нарастающий рев, в котором потонул многоголосый крик рыбаков, а вместе с ним крики жителей деревни.

Сердце Такэно перестало биться, он не мог шевелиться, не мог говорить. Он чувствовал, что еще миг, и он умрет.

Старик крепко обнял его.

– Смотри, смотри, – шептал он.

Большая Волна настигла рыбаков, когда они миновали первые скалы залива. Рыбачьи лодки вначале упали вниз в гигантскую впадину перед Волной; одну из них разбило о камни, и Такэно видел, как в воду посыпались человеческие тела. В следующее мгновение вся мощь Большой Волны обрушилась на накренившиеся лодки, и их не стало видно.

Мальчик стиснул руку Сэна, отвернулся и всхлипнул.

– Смотри! – сказал Сэн, дернув его за куртку, и в голосе старика послышалось непонятное торжество.

Такэно поспешно вытер глаза и глянул на бухту. Большая Волна затопила все скалы залива Дракона, даже самые высокие; она была грозной и могучей, она угрожала берегу, она несла неминуемую смерть, – нельзя было и подумать о том, чтобы противостоять Волне. Но вопреки всему, одна рыбацкая лодка поднялась на ее гребень, – одна-единственная, последняя лодка! Рыбаки на ней дружно налегли на весла, и лодка держалась на поверхности, осыпаясь водной пылью. Сила гребцов была ничто по сравнению с силой Большой Волны, но они преодолели ее!

Такэно закричал от восторга.

– А, ты понял! – воскликнул старик.

Большая Волна ударила в берег. Гора дрогнула; чахлый куст на склоне вновь поднялся из земли и тут же опустился. Половина его корней висела в воздухе, но куст удержался на земле.

– Деревня! Что с деревней? – испуганно спросил Такэно.

Старик не услышал его вопроса.

– Упорство, умение не сдаваться и добиваться своего – как это просто и понятно, – бормотал он. – Как просто, и как сложно. Лодка, которая преодолевает Большую Волну; страх, пре-

одолевающий страх; страх, который становится восторгом, – какое высшее наслаждение! Человек, преодолевший страх смерти, подобен бессмертным Богам, не ведающим страха. Такие моменты, большая редкость, мальчик, – а после них опять наступает пора страха, всеобщего страха перед всем.

Начало пути

Два сторожа в осеннем саду

Дворец князя стоял на озере, – на острове недалеко от берега. Фундамент дворца был выложен из гранитных глыб и возвышался над водой на высоту короткого копья. На фундаменте лежал прочный настил из массивных тесаных бревен, края которого выступали над краями гранитных глыб ровно настолько, чтобы полуденная тень скрывала фундамент – таким образом, дворец будто бы висел в воздухе над синей гладью озера.

Впечатление невесомости дворца подчеркивалось большим количеством свободного пространства: и первый, и второй этаж были окружены колоннами, образующими узкие открытые галереи. Третий этаж стоял на усеченном конусе крыши дворца и сам заканчивался вогнутой конусной крышей из черепицы.

Стены дворца не были покрашены и сохраняли теплый цвет дерева, а все колонны и перила были золочеными; сияние позолоты отражалось в воде и усиливало ощущение воздушности всего строения.

Озеро, на котором стоял дворец, было глубоким, но небольшим; его берега были обрывистыми, из белого камня, между слоями которого пробивался красный и зеленый мох. На камнях росли низкие сосны с толстыми кривыми стволами и необыкновенно густыми кронами, а дальше стояла зеленая плотная стена лиственного леса, усилиями людей превращенного в парк.

Все дорожки парка были кривыми и извилистыми; на их поворотах были посажены причудливо подстриженные кусты высотой не более локтя, а за ними находились посыпанные крупным серым песком площадки, на которых в беспорядке были разбросаны большие и малые валуны. Парковые скамейки и декоративные мостики над крохотными прудами тоже имели неровные, незаконченные формы: их линии изгибались и обрывались подобно линиям дорожек. Вся эта искусственная незавершенность придавала парку особую прелесть.

Садовниками в княжеском поместье работали два старика, которые проживали тут постоянно: один из них был одиноким, второй воспитывал мальчика и девочку. В обязанности стариков входило также сторожить парк (кроме них была еще воинская стража у ворот, которая следила и за княжеским дворцом), а жили старики в маленьком домике в гуще сада. Денег за работу они не получали, довольствуясь провизией и старыми вещами, которые им изредка привозили.

Вечерами, уложив детей спать, старики усаживались на веранде своего домика и неспешно пили чай, – эта традиция нарушалась ими только в холодные зимние вечера. Чаепитие проходило обстоятельно, с соблюдением всех необходимых правил. Прежде всего, следовало отвлечься от суетных мыслей и сосредоточить внимание исключительно на чайной церемонии. Старик Сэн и старик Сотоба знали, как этого добиться. Вначале Сотоба доставал свиток, покрытый иероглифами: там были записаны старинные стихотворения, позволяющие скорее достичь нужного состояния души. Любимым стихом Сотобы и Сэна был следующий:

Два сторожа в осеннем саду
Любуются яркой листвой
И ведут тихую беседу.
Лица их спокойны и радостны,
В волосах же у них седина.

Сотоба вслух читал это пятистрочие, медленно, по одной строке, чтобы живее представить и сильнее почувствовать то, о чем там говорилось. По окончании чтения старики долго смотрели на закат, – и на этом предварительная подготовка к чаепитию заканчивалась.

Заваривание чая требовало высочайшего мастерства; бывало, что люди всю жизнь учились ему, но так и не могли достичь совершенства в этом сложнейшем деле. Само собой разумеется, что весь процесс проходил у стариков размеренно, с соблюдением необходимого ритуала. При этом, вода и огонь, – необходимые элементы приготовления чая, – заслуживали пристального внимания.

Посуда для чая была самой простой работы, лишенная каких-либо украшений, ибо она не должна была отвлекать от того, для чего была предназначена. Чашки для готового напитка были маленькими, потому что только в малых количествах проявляется вкус: большое подавляет свою сущность, а малое – выявляет ее.

После первого же глотка чая на душе теплело, после второго разливалось блаженство, а после третьего – дух просветлялся и витал в эмпиреях, дабы вернуться оттуда просвещенным и укрепленным. В полном молчании выпив по две чашки, Сэн и Сотоба чувствовали, что можно заводить разговор.

* * *

- Идет зима, – задумчиво произнес Сотоба, отрешенно глядя на темные небеса.
- Еще не скоро, – меланхолически возразил Сэн.
- Я уже чувствую ее дыхание по утрам.
- По утрам чувствуется холодное дыхание зимы, – согласился Сэн.
- Все больше листьев опадает в парке. А сегодня почернели кончики лепестков у белых хризантем, – сказал Сотоба, и его глаза увлажнились.
- Сколько трогательного в увядании, – вздохнул Сэн.
- Оно прекрасно, как прекрасна затаенная печаль, сопровождающая нас в жизни.
- В разговоре наступила долгая пауза.
- Золотая и багряная листва, отраженная в синеве озера, – что может быть красивее? – нарушил молчание Сэн.
- И за это мы любим осень, – сказал Сотоба и, оживившись, прочитал на память:

Осень. Свежесть прозрачного воздуха,
Пустота оголенных равнин
И пронзительный крик журавлей...

Монотонный стук дождя
Сменится зыбкой тишиной,
И застылая земля покроется мягким снегом.

- Так, так, – кивнул Сэн и прибавил:
- «Но останется замерзающий чахлый тростник на морском берегу»... Разрушение и одиночество скроет время. Все станет невидимым в бесконечной дали пустоты.
- Да, это так, – сказал Сотоба.
- В разговоре наступила долгая пауза.
- Когда мы молоды, множество нитей привязывают нас к жизни, – сказал Сэн. – Потом они рвутся одна за другой, пока не порвется последняя.
- У меня как раз осталась последняя, – отрешенно проговорил Сотоба.
- Страх перед смертью?

– Страх перед смертью? Но я давно понял, что смерть – не хуже жизни.

– Это так, – согласился Сэн.

– Страх у меня нет. Моя последняя нить – мой сад, и небо над моим садом, – сказал Сотоба.

В разговоре наступила долгая пауза.

– А у меня есть страх – страх за детей, которых я должен вырастить, – виновато сообщил Сэн.

– У каждого своя судьба.

– Я не рассказывал вам, уважаемый Сотоба, как попали ко мне Такэно и Йока? – с некоторой робостью спросил Сэн, которому очень хотелось рассказать об этом.

– Я с удовольствием выслушаю вас, уважаемый Сэн, – поклонился ему Сотоба.

– Благодарю вас, уважаемый Сотоба, – ответил ему поклоном Сэн.

– Итак, в то время я жил в небольшой рыбацкой деревне на берегу океана. Долго мне пришлось бы говорить о том, как я попал туда...

– Прошу вас не смущаться и поведать об этом. Время, потраченное на рассказ о судьбе человека, не пропадает даром.

– Вы великодушны, уважаемый Сотоба, – Сэн поклонился ему до земли. – С вашего милостивого позволения, я продолжаю... Как я попал в эту деревушку? Меня принес в нее поток жизни. С юношеских лет я мечтал стать поэтом, подобным Кокамонъину-но Бэтто или Инбумонъину-но Тайфу, или Минамото-но Цунэнобу, или, на крайний случай, Кихехари-но Мотосукэ. Мои родители были в ужасе от этого. Они боялись, что я повредился умом, ибо целыми днями напролет я твердил стихи этих величайших пиитов, или пытался сочинять собственные. Мой отец, придворный каллиграф господина Осикоти, хотел, чтобы я также занялся каллиграфией, дающей большие доходы и солидное положение в обществе. Но обыденное существование служащего внушало мне такое неодолимое отвращение, что, в конце концов, не в силах переубедить отца, я ушел из дома. Вместе с монахами-скитальцами я обошел почти всю страну, бывал в священных храмах, хранящих мудрость древних, видел дивные красоты природы. О да, я видел две великие реки, впадающие в одно озеро, а на нем видел я лодки под парусом, плывущие к берегу, гусиные стаи, опустившиеся на песчаную отмель, вечерний дождь, заходящее солнце, осеннюю луну, снег на горных вершинах; слышал, как звонил колокол в храме, и бушевала буря в горах.

– Десять пейзажей озера: весенний расцвет; облака над двойной вершиной горы; цветы; рыбы; ивы над волнами; соловьи на ветках ив; вечерний свет над горной вершиной; луна на озерной глади; луна в трех протоках; снег на обвалившемся мосту, – произнес Сотоба, глядя куда-то вдаль.

– Вы тоже бывали в тех местах?

– Я помню все, как сейчас...

В разговоре наступила пауза.

– Видел я и чудесный остров в море над лазурными волнами. Он далеко отстоит от суши, но воздух там настолько прозрачный, что с берега моря видны неприступные скалы этого острова и расселины в горах, – сказал Сэн. – Многого я насмотрелся и многому научился. Но жизнь скитальца полна таких лишений, что я не смог долго выдержать ее. Придя в большой город, я вынужден был сделать то, чего мне меньше всего хотелось – поступить на службу. Правда, моя работа не была обременительной: два дня я работал, два – отдыхал, и в дни отдыха наслаждался поэзией и одиночеством. «Отшельник и в городе найдет уединение», – отмечено великим Канцзюем. На городской окраине я построил себе хижину из хвороста и соломы; моим единственным гостем был местный староста, удивительный человек. Его мысли были прочно привязаны к земному – дровам, сему, еде, одежде и, главное, деньгам, – а душа парила высоко.

Он любил слушать, как я читал ему стихи; он в них ничего не понимал, но слушал меня с необыкновенной почтительностью.

– Вы прочтете мне свои стихотворения? – спросил Сотоба.

– Они слишком несовершенны для того, чтобы я осмелился предложить их вашему достойному вниманию, – ответил Сэн и виновато развел руками.

– Восемь лет я провел в большом городе, – продолжал он, – и эти годы я бы не назвал несчастливыми. Но всему приходит конец; в городе случился большой пожар, и моя хижина сгорела в числе сотен прочих домов. Мне трудно передать вам, какой это был удар для меня; построить ее заново у меня уже не было сил. Я вновь отправился странствовать, и с отчаяния не стал писать свое имя на шляпе, как то принято у скитальцев. «Если я умру в дороге, то пусть я умру в безывестности», – сказал я себе... Что же еще мне поведать вам о своей жизни? Ночлег в поле под рваным одеялом, утренние холода и постоянный голод скоро состарили меня. «Утренний холод. Сушеная рыбешка – вот и весь мой завтрак», – какие прекрасные стихи!

В разговоре наступила пауза.

– Одиночество стало моей привычкой, но все же, но все же... «Когда я смотрю на луну или утренний снег, сердце сжимается от безмерной тоски по собеседнику. Я пью вино и завожу разговор сам с собой», – печально улыбнулся Сэн.

– «Старость уже на пороге. Чувствую, она будет похожа на этот холодный мелкий дождь», – проговорил Сотоба.

– «Жизнь в преклонном возрасте доставляет радость только тому, кто избавился от заботы, забыл о различиях между старостью и юностью, и обрел в душе безмятежный покой», – подхватил Сэн. – Однако когда позади пять десятков лет, тело дряхлеет. Старику не выжить под открытым небом, он нуждается в пристанище. Вот я и прекратил свои скитания, поселившись в рыбацкой деревушке. Ее жители приняли меня, а я помогал им чем мог. Но я оставался чужим для них; единственно, к кому я привязался по-настоящему, и кто ответил мне такой же привязанностью, был мальчик-сирота Такэно. Я обучил его грамоте, я старался передать ему многое из того, что знал сам... Затем в деревню пришла беда – Большая Волна.

– Большая Волна? – Сотоба поднял брови и покачал головой.

– Большая Волна, – повторил Сэн. – Погибли почти все рыбаки, находившиеся в море, погибли и почти все жители деревни, которых настигла Волна на берегу. Мы с Такэно спаслись на вершине горы, куда привели меня мои старческие предчувствия. Спустившись вниз, мы нашли среди тел погибших людей едва живую девочку, – это была Йока. Позже выяснилось, что она лишилась родителей: ее отец утонул в море, а мать погибла под обломками своего дома. Оставшиеся в живых рыбаки покинули это проклятое место, и деревня перестала существовать. Я, Такэно и Йока – три никому не нужных человека – пошли куда глаза глядят, пока не пришли к вам, уважаемый Сотоба. Вы оказались так добры, что дали нам кров и взяли меня к себе в помощники. Ваше сердце не ожесточило время, уважаемый Сотоба, оно полно человеколюбия.

– Сострадания, уважаемый Сэн. Человеколюбие – удел глупцов или просветленных, – мягко возразил Сотоба.

В разговоре наступила пауза.

– Ночь становится холодной. Надо раздуть огонь в жаровне, – сказал Сотоба. – Вы, конечно, помните стихотворение:

Осень пришла! —
Шепчет холодный ветер
У окна спальни.

– И еще:

На черной ветке
Ворон расположился.
Осенний вечер.

– Это невозможно забыть. Если бы мне был дан такой талант... – печально произнес Сэн. – Прошу вас, прочтите еще раз, уважаемый Сотоба. Как это хорошо.

Цветенье сливы в лесной глуши

Кедровый лес поднимался по склону горы; здесь заканчивался княжеский парк, – каменная высокая стена с воротами из красного дерева отделяла его от кедровника. Ворота были необыкновенно красивыми: они состояли из трех проемов, разделенных колоннами с металлическими накладками внизу. На колоннах лежала коричневая лаковая крыша, расписанная затейливым узором, а по ее нижнему краю была пущена серебряная окантовка.

Перед воротами и за ними дорога была вымощена булыжником, из него же были сложены стены по ее обеим сторонам, предохраняющие дорогу от оползней. В парке стены имели уступы, – на них находились широкие земляные террасы, на которых росли вишневые и сливовые деревья. Весной, когда они сплошь покрывались цветами, это была самая живописная часть княжеского поместья. Князь всегда приезжал сюда в эту пору, но теперь неотложные дела задержали его в городе, и поместье пустовало.

Кроме садовников и стражников, только Такэно и Йока видели цветенье вишни и сливы этой весной, но оно не вызывало у них такого умиленного восхищения, как у Сэна и Сотобы, ведь в юности весь мир кажется цветущим, а черные сучки на его дереве – простым недоразумением...

Такэно всегда знал, что он связан с Йокой на всю жизнь, – это было также понятно, как то, что у него не будет, к примеру, другой головы или другого тела. Йока была неотъемлемой частью его существования с той поры, когда старик Сэн увел их из опустошенной рыбацкой деревни. Горе девочки, потерявшей в один миг своих родителей, потрясло Такэно, – уж он-то хорошо знал, что такое остаться круглым сиротой! Жалость и нежность заполнили его душу, чтобы навсегда остаться в ней, а девочка, почувствовав это, ответила Такэно горячей привязанностью.

В пустом княжеском поместье Такэно и Йока сблизилась еще больше; им было хорошо и легко вместе, они поверяли друг другу тайны, которые не открывали даже старику Сэну. Но пришло время, когда перестав быть детьми, они испытали новое, неведомое им дотоле чувство. Прежние детские отношения уходили в прошлое, и на смену им шли другие – волнующие и отчасти пугающие. Легкость общения пропала, потому что вести себя по-детски было уже нельзя, а вести себя по-иному Такэно и Йока не решались, охваченные той робостью, которая свойственна всем, кого впервые посетила любовь.

Долго так продолжаться не могло, эта неопределенность должна была закончиться. Поскольку любовь Такэно и Йоки была сильна, то достаточно было самых простых, самых незначительных слов, чтобы она восторжествовала; так, созревший плод падает на землю от малейшего дуновения ветра. Настал момент объяснения, и оно состоялось.

Поводом к нему послужило умение стрелять из лука, приобретенное Такэно. В первую очередь, Такэно захотелось похвастаться им перед Йокой: он решил позвать ее в лес, где обычно упражнялся в стрельбе.

Йока, управившись с домашними делами, уже успела переодеться и сидела за вышиванием на скамейке перед домом.

– Йока, не хочешь ли ты погулять в кедровнике? – спросил Такэно, преодолевая непонятное смущение, которое он часто испытывал теперь в общении с ней.

– Может быть, – ответила Йока, мельком взглянув на Такэно и тут же опустив голову.

Такэно удивился. Такой неясный ответ мог быть только отказом. Если бы на месте Йоки был кто-нибудь другой, Такэно должен был бы сказать: «Хорошо, возможно в другой раз...» – и закончить на этом разговор. Но в данном случае правила приличия не действовали, Йока тоже нарушила их: она явно выказала невежливость, своим двусмысленным ответом поставив собеседника в неловкое положение.

Такэно даже обиделся, – как это она не побоялась обидеть его? Но затем он понял, что отказ Йоки был, в сущности, выражением высочайшего доверия и свидетельством близости между ними, так как только в отношении очень близкого человека девушка могла позволить себе такую вольность. Сознать это было приятно; мало того, Такэно вдруг почувствовал себя необыкновенно счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.